

ВАСКА

Инна Сапега

Мы в ответе за тех, кого приручили.

Маленький Принц

В воскресенье вечером иду с пруда в деревне, и тут к моим ногам выкатывается серебристый клубок с глазами-звездочками.

— Ты кто?

Клубок повизгивает и виляет хвостом. Я нагибаюсь.

— А чей?

Глаза-звездочки смотрят так доверчиво, что я не удерживаюсь и беру клубок на руки.

— Как мой?!

Шершавый язык лижет нос, щеки, губы. Щекотно. Пахнет молоком и жженой резинкой, щенятиной.

Я смеюсь:

- Мой-мой!

- Да нет же... — отодвигаю щенка подальше от лица, внимательно разглядываю — смотрю, точно не мой. Моя! Девочка! Васка, Василиса, Василек, Ва-а-а-сенька.

В Москву Васку я везу в рюкзаке. Она едет смиренно и только лижет мне руки и нос, когда я заглядываю к ней внутрь в электричке или в метро. А в квартире сразу делает лужу, и виляя хвостом, топает осматриваться.

Мама, вернувшись с работы, качает скептически головой. Мол, взрослые уже, что хотите, то и делайте, сами будете друг за другом ухаживать. Мы с Ваской не перечим и преданно глядим маме в лицо. Мама вздыхает и идет готовить нам ужин. Мама есть мама, улыбаемся мы с щенком и принимаемся играть.

Так Васка остается у нас жить.

Говорят, лучшее средство для борьбы с унынием — это забота о живом существе. Васка лечила меня. В тот год, оправившись от тяжелой болезни, я жила затворницей дома, мало с кем общалась и периодически беспричинно тосковала. С Ваской тосковать стало некогда — я превратилась в мамку, сестру и подружку для своей собаки. Руки мои покрылись укусами и царапинами, два раза в день я заставляла себя выходить на белый свет, и вскоре вновь научилась радоваться новому дню, свежему воздуху и осеннему солнышку. А в щенке своем души не чаяла. Наверное, детство нам дано, чтобы влюбиться в себя своих родителей...

Васка росла быстро и вот она уже была рыжей лисицей с пушистым хвостом. На улице все заглядывались на неё. Моя собака — думала я с гордостью.

А потом позвонила Матушка:

- Ты приедешь к нам? Что тебе в Москве бездельничать, а здесь мы найдем тебе применение...

- У меня собака!

- Приезжай вместе с собакой.

- С собакой?

- Да! Поселим её на улице в будке.

Мама снова качала головой. И мы снова виновато-преданно смотрели ей в лицо. Мама как прежде вздыхала и на этот раз шла собирать нам в дорогу вещи. Васка понимала, что мы куда-то уезжаем. И потому вертелась юлой у ног.

В небольшом монастырке, куда мы приехали, уже были две собаки — холенная овчарка Элма и дворняга старичок Черныш. Васке быстро смастерили отдельную будку и поселили через дорогу от Черныша. Черныш новой компании радовался и частенько побрехивал, заводя разговор с Ваской. Элма же к Васке ревновала. И всегда дыбила шерсть, если её проводили мимо Васкиной будки. Васка всех любила и всем виляла хвостом.

Жить в деревне ей понравилось — так вкусно пахло соседскими курами да навозом, утром рядом пели петухи, а сколько здесь было кошек! Она сосредоточенно охраняла свою территорию, а когда мы с ней во время дневного сна сестер уходили гулять в лес — радости её не было предела. Она превращалась в охотничью собаку — ушки её заострялись, мордочка вытягивалась, хвост выпрямлялся трубой и ищи-свищи — собака на охоте. Гуляли мы целый час. Васка никогда далеко от меня не убегала,

всегда так держалась, чтобы видеть — здесь ли я, не нужна ли мне её помощь. И всегда возвращалась, если помощь мне действительно была нужна.

Когда ночи стояли теплые, спала Васка на крыше своей будки. Я приходила к ней ночью, после вечерних молитв, запрыгивала на крышу и, греясь об её пушистую шерсть, смотрела на звезды. В деревне, не в городе — звезд много! Васка тычилась мне мордой в лицо, заглядывала в глаза, бережно кусала за нос, затем клала морду на мои колени и засыпала. Какие добрые были те ночи.

А потом настало очередное лето. Я совсем выздоровела и уехала в Москву по каким-то своим делам, а оттуда — волею судьбы отправилась на Валаам. Очарованная красотой и суровостью Валаамского монастыря, я задержалась на острове на несколько месяцев. Звонили сестры — Васка родила пять щенят. Я волновалась — «Только не топите — приеду». Не приехала. Щенят не утопили, но ухаживать за всем семейством стало некому. Васку мою отдали куда-то в другую деревню.

- Так лучше для неё. А тебе надо научиться ответственности! — заметила Матушка, когда я, наконец, вернулась.

С тех пор прошло лет пять, даже больше, а мне до сих пор совестно и горько думать о Васке моей. Был друг у меня верный. А я сама другом так и не стала. Потому собак больше не завожу. Мы в ответе за тех, кого приручили.